

«Заячий рай» из муфельной печи

> За эмалевый кулон журналисту поставили пятерку

ЕСТЬ в МаГУ небольшой музей, экспонаты которого – дипломные работы студентов художественно-графического факультета. Есть среди них такие, которые составят честь любому музею: ювелирные изделия, удивительные панно, исполненные в технике эмали.

Яркие краски из Византии

Антонина Герасимова стала для меня проводником в древнее искусство эмалирования. Еще студенткой она занялась этим видом художественного творчества и достигла таких высот, что обобщила свои знания и практику в научной работе. Она кандидат педагогических наук, доцент кафедры художественного металла и керамики. Историю эмали знает досконально. Техника эмальерного дела известна еще со времен Древнего Египта. Музеи мира хранят произведения греческих, кельтских, китайских и византийских мастеров. Именно из Византии в окладах икон и богатой церковной утвари пришли на Русь вечно яркие краски эмали.

В этой же технике представлены в витринах студенческие дипломы: ювелирной работы чашка с элементами эмали. На царский стол не стыдно поставить. «А этого студента я давно заметила, – Антонина Анатольевна указывает на панно Артема Сеппко. – У него есть внутреннее чутье: посмотрите, какие интересные эффекты». Разглядываю стилизованного зверька и, прочтя название – «Заячий рай», смеюсь, заметив летающие морковки над его счастливой мордашкой. Веселый студент. «Главное для художника – опережение. И самая высокая оценка, если затронул он струнки души, заставил вас улыбнуться», – подытоживает Антонина Анатольевна. Переходя к другой витрине, показывает на манекен с замечательным ювелирным колье. Оно настолько массивное, что сзади даже приложен противовес. На работу такое украшение не наденешь. Но если хочешь стать королевой бала или сразить кого-то наповал – лучше наряда чем ювелирно-эмалевая «сбруя» не найти.

Как рождается эмаль

Мой добровольный экскурсовод продолжает объяснять, что кроме перегородчатой есть еще множество техник эмалирования, например, выемчатая. Из всей лекции уяснила одно: эмаль – это стекло, окрашенное окислами металлов. При температуре 860 градусов любая краска горит, а металлы сольются воедино с медью, навечно закрепив яркость цвета. Но теория без практики суха и увлекательна лишь для специалиста, потому напросилась в мастерскую, чтобы воочию увидеть, как рождается эмаль.

В классе-мастерской каждый занят своим делом: студенты вырезают, рисуют, напыляют, обжигают. Поначалу фотовспышка их отвлекает. Потом и меня, и фотоаппарат перестают замечать. Чудненько, можно

расспросить, снять репортажно. Ульяна работает над «образом» ретро-автомобиля, который станет идейным центром будущего панно. Пока машинка красивая лишь на эскизе, в реальности авто как в мастерской – разобрана на детали. После обжига исполненные в разных техниках детали соединят, и машина засверкает красными эмалевыми боками.

Максим создает «Симфонию природы» – пока это рабочее название. Олицетворяет музыку изображение банджо.

Белокурая красавица трудится над миниатюрными верблюдами. Каждый корабль пустыни, так еще называют верблюдов, должен быть выполнен в разной технике. Красный – в технике кракле – когда поверхность эмали растрескивается как корка пересохой земли.

Центр мастерской – муфельная печь, температура которой не должна быть ниже 860 градусов. Детали закладывают в раскаленное жерло, и через какое-то время вытаскивают как печеные пирожки. Антонина Анатольевна – нарасхват: одному советует тщательнее накладывать эмаль, другому – подсказывает время «запекания»: «Как только деталь по цвету сравняется с цветом печи – пора вынимать», – бросает она на

ходу. Вытащили, обсушили. И хотя вся технология, казалось, соблюдена с особой тщательностью – и цвет подобран, как на палитре, и эмаль ровно покрыла пластину – никогда не знаешь, что получится после обжига. Непредсказуемость результата и есть самое привлекательное в технике горячей эмали.

– Когда смешиваешь цвета, на «выходе» получаешь неожиданный результат, – объясняет Антонина Анатольевна. Есть у нас эмали под номерами 44 и 45. Пока они в баночках – цвета не отличишь. После обжига один становится нежно фиолетовым, другой – темно-синим.

Цвет зависит и от температуры печи. А качество – от исходного материала – меди. С этим – целая беда: трудно достать чистую медь, которая, к тому же, должна быть не толще миллиметра. В прошлом году закупили в Челябинске, да она оказалась кровельной, с примесью. После обжига эмаль откалывалась, что приводило таких аккуратных студентов, как Алена Руссу, в ужас: ее «Самурай» остался без глаза. Изобретательные студенты нашли выход: пункты скупки цветмета.

Испытано на себе
Насколько уникальна творческая лаборатория МаГУ? В Северной столице возрождают школу художе-

ственного эмалирования, проводя в Питере эмальерные биеннале.

– Там для этого созданы все условия, – с завистью говорит Антонина Анатольевна, – большие печи, специальные классы, оборудование, материалы. У нас другие задачи, менее масштабные: научить техник эмали, с чем вполне справляется наша муфельная печь.

Говорят, хорош тот учитель, который не перестает учиться. Антонина Герасимова – до кончиков ногтей человек творческий. Она постоянный участник творческих выставок, такой, например, как «Диалоги с искусством», что проходит в Екатеринбурге. Сейчас работает над триптихом по произведению своего любимого автора Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». В планах – издать учебник.

Чтобы я не моталась без дела, Антонина Анатольевна, к моей великой радости, предложила попробовать себя в творчестве. Чем не репортаж – «испытано на себе»? Дали мне медную пластину, сначала очистив ее в раскаленной печи. По палитре определилась с цветом. Эмалевая палитра – это подсказка, какой окажется цвет эмали после прохождения через печь. Выбрала морские цвета. Шпателем осторожно вынимаю из баночки тягучую эмаль, переносу на пластину. Где густо, где пусто. Прошло немало времени, прежде чем стеклянная краска равномерно покрыла поверхность.

Одобрительно кивнув головой, Антонина Анатольевна командует:

«Теперь в печь». Из жерла дохнуло жаром. Надо ухитриться спихнуть изделие с совочка на самую середину. Через полторы минуты открываем дверцу: дошла, родная. Теперь в сушилку, где на полочках остывают миниатюрные кусочки будущих студенческих панно. Нашли место, обсушились. Второй этап самый ответственный. Не допечешь – эмаль не закрепится, передержишь – все трещинки заполнятся эмалью, и – прощай, кракле. Опытным глазом определив «час икс», Антонина Анатольевна скомандовала: «Пора».

Следующий этап – выделение трещин. Пальцем честно втираю краску в едва заметные прожилки. Потом рисую морское дно. Точку в моем творении поставила сама педагог, прилажив к водорослям «пузырьки воздуха» – кусочки цветного стекла.

Чудный кулон «Океан» останется мне на память. Захватывающее, скажу я вам, занятие. Горда была собой не сказано, тем более что учительница моя поставила за изделие пятерку. Потому что трещины-кракле получились отменно. Тут же вспомнила ее слова: эмаль сама выбирает, кто ей подойдет, а кто – нет. Один бьется, бьются, а работа не идет, другой вроде тяп-ляп, но результат отменный. Приятно осознавать, что эмаль с легкой руки чудесного мастера и учителя Антонины Анатольевны проявила ко мне благосклонность. Дело за малым: надо бы мне ответить взаимностью, да все времени нет...»

ИРИНА КОРОТКИХ
> ФОТО АВТОРА

> Когда художник перестает знать, что делает, он способен создать истинные ценности. Эдгар ДЕГА